

Р. С. Гринберг¹

КРИЗИС ОКОНЧЕН? ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Глобализация мировой экономики практически стерла границы между отдельными государствами, многократно увеличив возможности международного разделения труда, движения капитала, производственной кооперации, слияний и поглощений. Мы действительно живем уже в одной «большой деревне». И это не просто метафора. Теперь любой человек, живущий в любой стране, может беспрепятственно включиться в систему мирохозяйственных связей на любом континенте, предлагая или пользуясь услугами по маркетингу, рекламе, PR, сбыту, производству, хеджированию, транспортировке и оплате любого продукта.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, директор Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор. Профессор Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Автор свыше 250 научных публикаций; в т. ч. книг: «Экономическая социодинамика: Россия: правила и реальность», «Государственная поддержка малого предпринимательства в странах Центральной и Восточной Европы», «Оценка социально-экономических последствий присоединения России к Всемирной торговой организации», «Среди рисков и шансов» и др. Председатель экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ. Главный редактор журнала «Мир перемен», председатель редакционного совета журнала «Имущественные отношения в Российской Федерации».

Но вот на мировую экономику обрушился мощный финансовый и экономический кризис, который, начавшись в США с катастрофы в ипотечном кредитовании, быстро распространился на страны Евросоюза, постсоветские государства и весь остальной мир. Охватив практически всю планету, он высветил светлые и темные стороны глобализации и, что особенно важно, отчетливо акцентировал ее социально-экономические парадоксы, обозначившиеся уже в благополучные «тучные» времена.

Парадоксы

Еще каких-то 20–30 лет назад казалось, что с окончанием холодной войны и поражением реально-го социализма жители постсоциалистических государств вступят в эру благоденствия в условиях плюралистической демократии, гражданского общества и социальной рыночной экономики. Думалось, что рано или поздно к «золотому миллиарду», уже живущему в процветающих демократических государствах, подтянутся остальные пять миллиардов жителей Земли. В ту пору считалось, что мир теперь будет построен по единому образцу — принципам либеральной демократии, ибо все другие идеологии, в частности коммунистическая, потерпели фиаско.

Именно тогда известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма в своей нашумевшей статье заявил о «конце истории», подразумевая, что мировая история как результат борьбы идеологий завершилась. Увы, этим представлениям не суждено было сбыться!

К концу первого десятилетия XXI столетия выяснилось, что глобализация — процесс гораздо более сложный, многомерный и противоречивый, чем мы думали прежде. Даже в таких благополучных странах, как, к примеру, Федеративная Республика Германия, где вроде была найдена почти оптимальная модель государственного и социального устройства, оберегающая общество от возникновения конфликтов и проблем, на высоком материальном уровне создано почти бесклассовое общество. Однако положение значительно осложнилось, когда страна столкнулась с проблемой трудного выбора.

Внезапно возникла ситуация, поставившая под угрозу достигнутое не без труда и потому казавшееся таким прочным благополучие. Явилось и стало нарастать тревожное ожидание обострения проблем, преодолеть которое будет крайне трудно. Постепенно становилось очевидным, что разрешить эти новые проблемы можно будет лишь ценой отступления от сложившихся к этому времени стандартов общественного и личного благополучия.

В сущности, речь идет о явлениях, которые можно было бы назвать социально-экономическими парадоксами. Разве не парадоксальна, например, следующая ситуация? Жизнь пенсионеров в развитых обществах — спокойная и обеспеченная, длится долго, пенсионерам она нравится, они стремятся ее продлить еще больше, общество и государство им в этом помогают, создают нужные условия. Размер пенсий при этом близок к прежнему заработку пенсионеров. В то же время наблюдается снижение рождаемости, тоже не без влияния нового жизненного уклада с его привлекательными свойствами — материальной обеспеченностью, личной независимостью и так далее, — воспользоваться которыми становится труднее с ростом количества детей в семье. Но это означает, что налоговая нагрузка на работающих, число которых в развитых странах неуклонно уменьшается, становится чрезмерной и постепенно угрожает банкротством системе пенсионного обеспечения благополучных ныне стран. Социальное государство вынуждено корректировать политику. Возможные и предлагаемые меры известны — повышение возрастного пенсионного порога, снижение размеров пенсий, частные пенсионные планы и тому подобное, а главное — все они означают конец благостного общежития, а значит, и подрыв социального мира.

Найдутся ли интеллектуальные, политические, организационные, прежде всего экономические, ресурсы, чтобы избежать волн потрясений? Ответа на этот вопрос пока нет. Нельзя, кстати, не видеть и того, что проблемы такого рода очень быстро становятся актуальными и для России, хотя она стоит на более низкой ступени развития по сравнению со странами Запада.

Парадокс первый. Всюду в развитых странах в той или иной мере ныне ощущается некоторый дефи-

цит рабочей силы из-за уже отмеченного снижения рождаемости среди коренного населения этих стран, уменьшения его численности и старения. Проблема была бы во много раз острее, если бы не привлечение рабочей силы из других государств мира. Для экономики развитых стран иммиграция — благо, потому что она предотвращает сокращение производства. Благом она становится и для населения бедных развивающихся государств, где велика безработица, а бедность и нищета носят массовый характер. Труд в развитых странах дает средства к существованию не только самим мигрантам, но и многим их родственникам, получающим от них денежные переводы. Эти переводы представляют собой поддержку, часто весьма ощутимую, и экономике бедных стран. То же самое, как известно, происходит и в России, когда таджики или азербайджанцы, работающие у нас, шлют переводы на родину.

Однако иммигранты в большинстве своем плохо адаптируются к культуре и многообразным обычаям принявшей их страны. Они трудятся много, но, не обладая должной квалификацией, обычно вынуждены довольствоваться непрестижными и плохо оплачиваемыми рабочими местами, следовательно, более низким доходом по сравнению с представителями коренного населения. Часто они ощущают свою социальную уязвимость, начинают считать недостойным свое имущественное положение. Среди иммигрантов время от времени вспыхивают волнения, особенно это касается второго поколения приезжих: они острее своих родителей реагируют на связанные с миграцией проблемы, действительные и мнимые, чаще устраивают беспорядки, акции протеста или выражают недовольство иными способами. Но при этом недовольство испытывают и многие представители коренного населения. Они ощущают угрозу привычной стабильности общества, политической и экономической жизни, угрозу эрозии своей культуры, считают неоправданной социальную поддержку иммигрантов со стороны своего государства и т. д. В обществе наступает разлад, грозящий расколом, а это чревато конфликтами.

Словом, глобализация рынка труда, расширяя возможности миграции рабочей силы, которая не только объективно необходима, но и приносит пользу всем вовлеченным в нее странам, в то же время становится источником напряженности в странах, до этого отличавшихся достаточно высокой социальной стабильностью. Излишне напоминать, что эта проблема становится ощутимой и в России.

Парадокс второй. Расширяя и углубляя взаимные экономические связи, национальные государства постепенно устраняют препятствия, мешающие передвижению товаров, услуг, денег и людей. Некоторым из развивающихся стран удалось и мобилизовать внутренние ресурсы, и привлечь иностранные источники финансирования, что обеспечило высокие темпы их экономического роста. Но при этом нищета по-прежнему охватывает значительную часть населения планеты (известно, что сегодня в мире более 1 млрд человек живут за чертой бедности), а разрыв в уровне благосостояния развитых стран и большинства остальных не только не сокращается, но и во

многих случаях даже увеличивается. Выявилось отчетливое противоречие между способностью глобализации формировать новые возможности экономического роста и недоступностью этого для наиболее отсталых стран мира. Обнаружилось, что одна лишь открытость национальной экономики, лишенной соответствующих институтов и необходимой государственной активности, только усугубляет отсталость хозяйственных структур.

Третий из значительных общественно-экономических *парадоксов* можно назвать «эффектом бумеранга». Он появился благодаря тому, что технологические стандарты современного производства, формирующиеся в передовых странах, в ходе глобализации распространяются на все большее число стран с другими уровнями развития. Благодаря современным технологиям и средствам коммуникации менее развитые страны научились производить современные товары и услуги все более качественно, но с меньшими издержками, главным образом ввиду сравнительно низких затрат на рабочую силу, на предоставление социальных гарантий и т. п. В результате то, что первоначально выросло из стремления развитых стран перенести трудоемкие или экологически опасные производства на другие, более выгодные территории, привело к обострению конкуренции развивающихся стран с более развитыми. Но ведь именно развитые страны ратовали и ратуют за открытие границ, за практическую реализацию знаменитых «четырёх свобод» — свободы передвижения товаров, услуг, денег и людей.

Неминуемый парадокс заключается в том, что по мере исчезновения барьеров развивающиеся государства становятся конкурентами миру «золотого миллиарда», успешно завоевывая международные рынки. Скажем, еще лет десять назад трудно было себе представить качественную обувь китайского производства, а сейчас такая обувь может успешно конкурировать с продукцией ведущих фирм — признанных мировых производителей обуви. За последние два года импорт обуви из Китая и Вьетнама Западной и Центральной Европой увеличился на 700 % — и в Западной Европе почти 100 тыс. человек, занятых в обувном производстве, потеряли работу.

Можно было предполагать возможное решение в том, например, что развитые страны будут тем временем переходить к еще более высоким производственным технологиям, и это позволит им восстанавливать утраченные рыночные позиции. Однако выяснилось, что переход на новые, более высокие технологии происходит с гораздо меньшей скоростью по сравнению с развитием процесса завоевания мировых рынков развивающимися странами. В то же время и восстановление рыночных позиций развитых стран, если бы оно произошло за счет освоения новых технологий или по другим причинам, тоже грозило бы новым кризисом, связанным с перепроизводством одних и тех же товаров одинакового качества, и в этом случае уже развивающиеся страны стали бы терять благоприобретенные позиции.

Возникает проблема непростого выбора: развитым странам для сокращения или полного прекращения образующихся потерь следует либо снижать

производственные затраты, уменьшая зарплату, сокращая отпуска и вводя драконовскую экономию на социальных услугах, например на бесплатном или льготном здравоохранении, либо этим странам придется заблокировать процессы глобализации, прибегая к протекционизму, ими же преданному анафеме. Мир уже в докризисное время стоял перед угрозой практической реализации второго варианта: в развитых странах начнется закрытие границ для товаров и услуг под любыми предлогами, в том числе и надуманными. Конечно, при этом пострадают потребители, но выиграют производители, правда временно.

Что касается российской экономики, то ее положение в мире пока весьма специфично. Основной источник внешних доходов России — продажа энергоресурсов и сырья, в них нуждаются многие страны. Проблемы нашей страны во внешнеэкономической сфере в значительной мере связаны именно с этим, и они тоже носят характер отчетливо выраженного *парадокса*. Российский потребитель ввиду отсутствия внутреннего производства стал широко ориентироваться на потребление импортных товаров. Российское государство почти не защищает внутренний рынок, иначе говоря, отечественного производителя. На повестке дня стоит трудная задача — выработать перспективную политику стимулирования отечественного производства, не загоняя себя при этом в ловушку изоляционизма, который в конечном счете заблокировал бы модернизацию российской экономики. И еще одна не менее сложная задача — найти рынки сбыта для тех высокотехнологичных товаров, которые нам предстоит научиться производить.

Словом, России надо использовать все возможности для восстановления своего научно-технического потенциала, реанимирования и развития новых высокотехнологичных отраслей промышленности, диверсификации всего хозяйства. Надо выстроить приоритеты и сохранить страну с приличной экономикой. Но времени для выстраивания приоритетов остается все меньше, поскольку при сохранении нынешней неопределенности уже через 5–6 лет наша страна окончательно потеряет научно-технический потенциал и придется начинать с чистого листа. В конечном счете путь восстановления и развития — единственно верный и надежный, чтобы занять в мире место одной из ведущих держав и прочно утвердиться в этом качестве.

Мировой кризис

Теперь о глобальном экономическом кризисе. Еще совсем недавно считалось, что рецепт экономического процветания прост: поменьше государственного регулирования и запретов, долой чрезмерную бюрократию, никакого вмешательства государства в экономику, рынок все обеспечит и решит сам. Государству отводилась роль «ночного сторожа».

Однако глобальный экономический кризис быстро вывел мир из состояния эйфории, головокружения от рыночных успехов. Даже США, всегда слывшие оплотом либеральной экономики, стали активно применять в экономике методы, напоминающие советские: пошли на государственные интервенции в

экономику и национализацию обанкротившихся или оказавшихся близкими к краху банков и корпораций. Здесь уместно напомнить, что в рыночных процессах заметную роль играет психология — «чувство толпы». Людвиг Эрхард как-то заметил, что 50 % экономики составляет психология. Именно это мы сейчас и наблюдаем. Стадное поветрие последних 10 лет — безудержное мотовство (а по словам французского философа-моралиста Пьера Клода Буаста, «мотовство — это смерть достатка»), когда весь мир жил не по средствам, сменилось другим стадным чувством — унылой прижимистостью. Важная деталь: антикризисные меры и программы запаздывают, особенно в отношении «реального сектора» экономик разных стран. Правда, следует заметить, что правительствам удалось предотвратить коллапс банковских систем (в том числе и в России) мерами «мягкой национализации» — накачкой ликвидности и вхождением государства в капитал коммерческих банков.

Пожалуй, самый главный урок глобального кризиса, достаточно ответственно, как хочется думать, воспринятый мировым сообществом, заключается в осознании необходимости эффективных наднациональных регуляторов мировой экономики. По-другому нельзя расценивать тот факт, что «восьмерка» трансформировалась в «двадцатку» и в таком расширенном составе на саммитах 2009 года декларировала свою ответственность за коллективное управление мирохозяйственными процессами.

Необходимо далее подчеркнуть, что сегодня наглядно подтверждается мысль Карла Маркса об опасности отрыва финансового сектора от производства товаров. Вероятно, менять следует не столько методы и способы возможного воздействия на экономику со стороны властей, сколько принципы, в соответствии с которыми эти методы и способы применяются: когда, в каких дозах, с какой целью и кем решение об использовании таких мер воздействия должно осуществляться.

Что касается России, то одно время у нас гордились тем, что наша экономика полностью встроена в мировой рынок. Правда, в первые месяцы нынешнего кризиса заговорили о том, что связи с мировой экономикой не так уж и глубоки, поэтому кризис нас не сильно заденет. На деле оказалось, что глобальный кризис сильно и больно ударил по российской экономике. Особая уязвимость нашей страны перед лицом глобального экономического кризиса объясняется тем, что постсоветская Россия столкнулась с ним, еще не выйдя из кризиса системной трансформации. Несмотря на недолгую историю российского капитализма, к этому прямо вели не только ошибки политики реформ в период «бури и натиска» 1990-х годов, но и просчеты и промахи финансовых властей России в условиях ее достаточно благополучного развития в 1999–2008 годы, обеспеченного, прежде всего, высокими мировыми ценами на углеводородное сырье.

Итак, нынешний кризис для России — «импортный продукт», она стала его жертвой, как, впрочем, и другие государства. Замедление роста мировой экономики привело к резкому уменьшению внешнего

спроса на углеводородное сырье и металлы, которые экспортирует Россия, в результате существенно снизилась ожидаемая валютная выручка. К сожалению, по-прежнему основа экономики России — это экспорт природных ресурсов, а это значит, что мировой экономический кризис еще долго будет влиять на ее экономику, а также на экономику стран СНГ, сильно зависящих от России.

Самый главный урок последних «тучных» лет для России заключается в том, что власть не использовала благоприятную конъюнктуру, когда «нефтегазовые» средства можно было направить на модернизацию экономики и реализацию инфраструктурных проектов. К тому же страна слишком быстро открылась для внешнего мира. Это, кстати, могло бы помочь в преодолении высокой инфляции в стране. Сейчас уже невозможно отрицать, что основная причина высокого роста цен вовсе не монетарная, она заложена в несовершенной структуре российской экономики. Нормальная экономика — с мощной инфраструктурой, богатым товарным предложением, развитой конкуренцией — реагирует на рост покупательной способности увеличением производства. А российская — отвечает ростом цен. Проблема в том, что в России слишком мало производителей товаров и услуг и нет эффективной антимонопольной службы. В результате в нашей экономике в последние годы, с одной стороны, консервируется примитивная структура экономики, с другой — сохраняются высокие темпы инфляции.

Сегодня российское руководство в борьбе с кризисом многое делает правильно. Но что дальше? К сожалению, почти 20 лет основной целью экономической политики России было только подавление инфляции. Но именно этого-то мы и не добились. Чтобы избавиться от инфляции, надо создать нормальную экономику: срочно начать модернизировать производство, развивать инфраструктуру, вкладывать деньги в промышленность. Тогда экономика отреагирует на рост спроса товаров не увеличением темпов инфляции, как происходит у нас сегодня, а ростом производства.

Однако пора вспомнить, что слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», другой — «благоприятная возможность». Кризис — это очищение от старого и, действительно, «благоприятная возможность» начать новое. Российские власти просто обязаны скорректировать экономический курс страны, заняться развитием инфраструктуры, диверсификацией отечественной экономики, развитием высоких технологий.

Мировой финансовый кризис со всей очевидностью продемонстрировал крах философии безбрежного экономического либерализма. Это может и должно стать его важнейшим уроком. В сущности, кризис стал следствием тридцатилетнего господства в мировой (а с начала 1990-х гг. и в российской) экономической политике идеологии «свободного рынка» — неолиберализма, главная идея которого состояла в том, что деятельность государства должна сворачиваться в пользу сил саморегулирования.

Сегодня вновь приходится констатировать, что без мощной и регулярной государственной активности в нынешней экономике не обойтись. Но нужно избегать и другой крайности — сочетания гипертрофированного обобществления с порочным протекционизмом. Россия все это уже проходила с удручающими результатами. Выход из кризиса требует формирования новой модели экономики и, в частности, новой модели государственного регулирования. В этой модели социальная составляющая, социальная справедливость должна стать не антитезой, а необходимым условием повышения экономической эффективности.

Несмотря на очевидные трудности, глобализация как объективное требование времени будет продолжаться, сопровождаясь и сбоями, и обостряющимися противоречиями. Вполне возможно, что здесь может произойти даже и откат. И тогда потребуются серьезная корректировка этого закономерного процесса, который ныне развивается вне всякого контроля в соответствии с явно устаревшими неolibеральными установками. Так что безальтернативной представляется не только систематическая государственная активность, но и международная координация национальных экономических политик.